

ПИНДАР, СЕДЬМАЯ НЕМЕЙСКАЯ ОДА: ПРЕДИСЛОВИЕ, ПЕРЕВОД И КОММЕНТАРИЙ

Григорий Геннадьевич Стариковский

преподаватель латинского языка в старших классах школы г. Рэмзи (штат Нью-Джерси, США)

e-mail: gstarikovsky@gmail.com

Аннотация. В победных одах, написанных для атлетов с острова Эгина, выбор мифологических сюжетов почти всегда связан с мифологией острова. Среди героев, доминирующих в эгинетских эпиникиях, – Эак, первый царь Эгины, и его потомки: Пелей, Теламон, Ахилл, Аякс и Неоптолем. Седьмая Немейская ода, чествующая Согена, победителя в пятиборье среди мальчиков, – не исключение; основной мифологический сегмент оды посвящен Неоптолему. Во времена Пиндара Неоптолем славился неумейной жестокостью: в киклических поэмах «Разрушение Илиона» и «Малая Илиада» Неоптолем убивает Приама на алтаре Зевса и сбрасывает Астианакса, сына Гектора и Андромахи, с городской стены, а в Шестом пеане (пеан написан Пиндаром ранее Седьмой Немейской оды) Аполлон мстит Неоптолему за убийство Приама и поражает его в Дельфах во время жертвоприношения. Во вступительной статье к переводу рассматривается лирический метод Пиндара, нацеленный на «смягчение» традиционного образа Неоптолема за счет внесения корректив в привычное восприятие фигуры греческого героя: например, Пиндар не упоминает о жестокости Неоптолема; после гибели от рук жреца Неоптолем остается в Дельфах «наблюдать справедливо обильные жертвами шествия в честь героев», т. е. фактически становится помощником Аполлона. Пиндар на примере Неоптолема демонстрирует заказчику оды (оду заказал Феарион, отец Согена), что посмертная слава атлета не менее важна, чем его прижизненная репутация.

Ключевые слова: Пиндар, эпиникий, победные оды, Немейские оды, Неоптолем, Гомер, Одиссей, Аякс, Эакиды, Эгина.

В победных одах, написанных для атлетов с острова Эгина, выбор мифологических сюжетов напрямую или косвенно связан с мифологией острова. Среди героев, доминирующих в эгинетских эпиникиях, – Эак, первый царь Эгины, его сыновья Пелей и Теламон, внуки Ахилл и Аякс, правнук Неоптолем [Lloyd-Jones: 130]. В Седьмой Немейской оде Пиндара фигурируют два потомка Эака – Аякс и Неоптолем. Если первый упомянут Пиндаром лишь вскользь (см. ниже), то последнему посвящен основной мифологический сегмент эпиникия. Семнадцатистрочное повествование начинается и заканчивается указанием места захоронения Неоптолема в Дельфах («священный предел Дельф», 43; «один из владетельных Эакидов навсегда остался в древнейшем святилище», 56–57). Между зачином и финалом отрывка нарратив развивается линейно: Неоптолем разоряет город Приама; возвращаясь из Трои, сбивается с пути; достигает Эпира; основывает Молосскую династию; отправляется в Дельфы с «первинами троянской добычи»; погибает во время жертвоприношения под ножом дельфийского жреца.

На примере Неоптолема Пиндар демонстрирует заказчику оды (оду заказал Феарийон, отец Согена, победителя в пятиборье среди мальчиков), что посмертная слава атлета не менее важна, чем его прижизненная репутация. Объявляя о немейской победе Согена, Пиндар обещает ему, что память об

атлетическом триумфе будет долговечной. По мысли Пиндара, единственное средство против забвения – это стихи («...но без песни тьма обступает высокое мужество», 16), и не просто стихи, а его, Пиндара, эпиникии. Поэт настаивает на правдивости своих од («воспою несомненную [т. е. истинную] славу», 80), однако для Пиндара говорить правду вовсе не значит говорить все подряд. При его, казалось бы, словоохотливости (в хрестоматийном сравнении Горация наш поэт уподоблен горному потоку (Гораций, «Оды» 4.2.5)), Пиндар может быть крайне разборчив в выборе средств, даже излишне лаконичен. В Седьмой Немейской оде поэт отбрасывает все, что могло бы повредить восприятию Неоптолема. В античности греческий герой и его деяния вряд ли вызывали глубокую симпатию; скорее – ужас, особенно в сравнении с другими, менее кровожадными участниками Троянской войны. В киклических поэмах «Разрушение Илиона» и «Малая Илиада» Неоптолем убивает Приама на алтаре Зевса Геркейского, покровителя домашнего очага, и сбрасывает Астианакса, сына Гектора и Андромахи, с городской стены. В современной Пиндару вазописи Неоптолем представлен как жестокий воин [Most: 161–162; Хёльшер: 134], а когда в середине V в. до Р. Х. Полигнот изобразил взятие Трои, то Неоптолем, по словам Павсания, был единственным из греческих героев, кто продолжал убийство троянцев после падения города (Павсаний 10.26.4).

В Шестом пеане (считается, что он написан ранее, чем *Нем.* 7¹, см. напр.: [Farnell: 289]) Аполлон клянется, что отомстит Неоптолему за убийство Приама и поражает его во время жертвоприношения (Пеан 6.112–120). Некоторые современные толкователи, следуя за древними комментаторами, видят в *Нем.* 7 попытку Пиндара загладить обиду, нанесенную Неоптолему и эгинетам в Шестом пеане [Lloyd-Jones: 133, 136–137; Carey: 135]). Другие исследователи [Bundy: 4; Slater: 94] считают, что никакой очевидной связи между пеаном и эпиникией нет. Даже если пеан и не послужил поводом для создания *Нем.* 7, он все же позволяет прояснить интенции Пиндара в эпиникии, особенно если обратить внимание на основные различия в подаче образа Неоптолема. Если в Шестом пеане он кровожадный убийца Приама, то в *Нем.* 7 герой назван всего лишь «разграбившим город Приама» (44), поэт вообще не упоминает о свирепости Неоптолема; в пеане Пиндар оттеняет неудачное возвращение Неоптолема, который вместо Скироса и Фессалии оказался в Молоссии («он не увидел своей дорогой матери», злорадствует Пиндар в 105–106), а в эпиникии обратное плавание Неоптолема выдержано в нейтральных тонах («отклонился от Скироса; он и его люди

сбились с пути и достигли Эфиры», 46–47); в пеане Аполлон убивает Неоптолема во время жертвоприношения, а в *Нем.* 7 герой отправляется в Дельфы с отборными сокровищами, захваченными в Трое, погибает под ножом священнослужителя без участия бога, сам становится, по выражению В. Буркерта, «жертвой Аполлону» [Burkert 119], а после смерти он – ни больше ни меньше – помощник дельфийского бога (50–60).

Появление в эпиникии фигуры «присмиревшего» Неоптолема предваряется двумя отрицательными примерами: репутация Одиссея и доброе имя Аякса искажены, в первом случае – Гомером, во втором – «незрячим» людским суждением. Одиссей, по мнению Пиндара, вовсе не заслуживает той славы, которую ему приписывают. Гомер обманывает читателя / слушателя и подсовывает ему небылицы вместо истины; страдания Одиссея, полагает Пиндар, преувеличены благодаря «ловкости» Гомера (24–29). На такого поэта полагаться нельзя; в результате мы получаем искривленное зеркало, в котором не различить подлинный лик героя. На людскую славу тоже не стоит рассчитывать, напоминает поэт: люди со «слепыми» сердцами не разглядели истинную доблесть Аякса Теламонида и присудили доспехи

¹ Здесь и далее – сокращенное название Седьмой Немейской оды.

Ахилла Одиссею, а не ему, лучшему воину после Ахилла (29–33). Пиндар заверяет Согена и Феариона, что победа атлета должна со всей возможной четкостью обозначиться в эпиникии, тогда читатель / слушатель увидит / услышит в хвалебной оде живое подобие, точнейший слепок атлетической доблести («Прекрасных деяний зеркало знаем одно лишь, / если милостью Мнемозины с венцом блестящим / награда сыщется за надрыв труда / в словах величальной песни», 17–20).

В эпиникии довольно много переключек с гомеровскими поэмами. Приведу ряд примеров. Страдание (*πάθη*) Одиссея (26) отсылает к одной из важнейших характеристик героя в гомеровской поэме: он – человек ‘страдающий, претерпевающий несчастья’, тот, кто, по словам Гомера, «вынес [*πάθεν*] многие несчастья на земле и на море» (Од. 1.4; ср.: [Nagy 423]). Аякс ‘пронзает’ (*ῥάξῃ*) себя мечом (32–33), как гомеровский воин пронзает своего соперника (ср.: Ил. 4.459–460: «Быстро его поражает [*πῆξῃ*] он в бляху *косматого* шлема / И пронзает чело», пер. Н. Гнедича). Аякс отправляется в Троию на быстрых (*θοαῖς* – гомеровский эпитет, ср. напр. Од. 1.300) кораблях (36–37), чтобы вернуть жену светлокудрого Менелая (еще один гомеровский эпитет, *ξανθός*, относящийся к Менелая, ср. Од. 1.285); Неоптолем разграбил «город Приама» (*Πριάμου πόλιν* (44), фраза отсылает к гомеровской *πόλις Πριάμοιο* (Ил. 2.373, 4.290). Жрец Аполлона

пронзает (*ῥάσεν*) Неоптолема жертвенным ножом (53), как один гомеровский воин пронзает другого (ср. Ил. 5.56–57: «ясенной пикой острой / В спину меж плеч поразил и сквозь перси кровавую выгнал [*ῥάσεν*]», пер. Н. Гнедича). При желании в *Нем.* 7.53 можно усмотреть иронию: Неоптолем пал не от воинского оружия, копья или меча, даже не от стрелы, а от жертвенного ножа (дополнительные параллели между *Нем.* 7 и гомеровскими поэмами указаны в комментариях).

Глубина смысловой перспективы в *Нем.* 7, как и во многих других эпиникиях, достигается за счет повторения-переключки схожих тем и образов. Например, тема индивидуальной судьбы в ст. 6–7 поднимается в ст. 69–70, сближая сына (Соген) и отца (Феарион), а в ст. 124–127 «линии жизни» Согена и Феариона пересекаются, когда поэт молит Геракла о даровании счастья обоим. Метафора песни как «воды, речного потока» присутствует в ст. 15, а в ст. 79–80 струящаяся вода, подхватывая образ воды как песни, связывает его с темой гостеприимства, одной из ключевых тем в эпиникиях. «Слепое сердце людей» в эпизоде с Аяксом (30) и отведенный поэтом «слепой упрек» (78) дополняют друг друга: образ темноты (слепоты), возникающий в контексте самоубийства Аякса, повторяется, но уже применительно к тем, кто возводит обвинение на поэта (слепой упрек), т. е. слепой упрек, брошенный поэту

(возможно, упрек связан с написанием Пиндаром Шестого пеана), бумерангом возвращается к людям, которые неспособны судить здраво: вы меня обвиняете, говорит Пиндар, но ведь большинство людей вообще не умеет отличить правды от вымысла, чем же вы лучше тех мнимых судей, которые «проморгали» истинную доблесть Аякса?

В *Нем. 7* доблесть Согена сопоставлена не только с посмертной славой Неоптолема, но и с фигурой самого поэта, для которого эпиникии – одно из проявлений греческой агонистической культуры. Неслучайно в *Нем. 7* Пиндар сравнивает себя с пятиборцем, как если бы он тоже участвовал в состязаниях: «...клянусь,

что, подбежав к черте, / я не устремлял язык свой / быстрый, как меднощекое копье, которое / освобождает от схватки крепкую шею», 90–93. Так поэтический труд приравнивается к атлетическому. Следуя все той же агонистической практике, Пиндар критикует Гомера и вступает с ним в состязание, противопоставляя своего Неоптолема гомеровскому Одиссею [Polinskaya 254]. В ст. 78 Пиндар, как сказано выше, отводит упреки хулителей, и это тоже не случайно; поэт работает в противостоянии тем, кто его порицает, и выходит из такого противоборства победителем: для Пиндара сочинить эпиникии – значит доказать греческому миру, что ему нет равных.

ПИНДАР. СЕДЬМАЯ НЕМЕЙСКАЯ ОДА

Согену Эгинскому, сыну Феариона, на победу в пятиборье среди мальчиков

Илифия, напарница смысленных Судеб,
дочь мощной Геры, выслушай,
дающая детям рождение, без тебя
не видеть нам света и благосклонной
ночи,
и сестры твоей, точеной Гебы, не обрели
бы; 5
пусть не все мы дышим к общей цели;
каждый стеснен ярмом своего удела.
Ты помогла Согену, сыну Феариона,
отличиться доблестью и прославиться
песней среди пятиборцев. 10

Он живет в песнелюбивом городе Эаки-
дов,
гремящих копьями; они усердствуют,
упражняя дух, изощренный играми.
Тот, кто удачно закончит дело, вбросит
сладкий для сердца повод – в поток, при-
сущий Музам, 15
но без песни тьма обступает высокое мужество.
Прекрасных деяний зеркало знаем одно
лишь,
если милостью Мнемозины с венцом блестящим
награда сыщется за надрыв труда
в словах величальной песни. 20

Мудрые знают ветер, который подует
на третий день, корысть
не туманит рассудок. Богач и бедняк
следуют к смертной черте. Верю, об Одиссее
из-за сладких слов Гомера говорят боль-
ше, 25
чем он вправду выстрадал,

ведь в обмане поэта, в окрыленной ловкости
нечто высокое есть: искусность лукавит,
морочит небылью. Люди незрячи сердцем
в большинстве своем, ведь если могли
бы 30
увидеть правду, могучий Аякс, гневаясь
из-за доспехов, не вогнал бы себе в грудь
гладкий меч. После Ахилла был он луч-
шим
в битве. Зефир, веющий напрямик,
домчал его на быстрых судах 35
к городу Ила – вернуть жену

светловласого Менелая. Общая настигает
и падает на всех волна Аида – жданная
и нежданная. Честь выпадает тому,
чью пышную славу бог множит 40
после смерти. Я пришел, податель помощи,
к великому средоточью земли широкой.
В священном пределе Дельф Неоптолем
лежит,
разоривший город Приама, данайцы
там тоже намучились. Оставив Трои, 45
отклонился от Скироса; он и его люди
сбились с пути, достигли Эфиры.

Недолго царствовал он в Молоссии,
но его потомки навсегда сохранили
власть. Он отправился к богу 50
с первинами троянской добычи;
там, заспорив о жертвенном мясе,
был заколот ножом алтарным.

Гостеприимные сокрушались дельфийцы,
все же вернул он судьбе должное, 55
ведь нужно было, чтобы один из владе-
тельных
Эакидов навсегда остался в древнейшем
святилище
возле крепкостенного храма богу –
наблюдать справедливо обильные жертвами
шествия в честь героев. Несколько слов
довольно, 60
чтобы воздать, как должно:
правдивый свидетель хранит, Эгина,
деянья потомков твоих и Зевса;
есть во мне смелость – сказать:

ради сияющей доблести главная
дорога ведет словесная – от твоего
дома, 65
и все же сладостна передышка
в каждом деле – даже мед пресыщает,
даже нежные цветы Афродиты.
Все мы разнимся свойствами, собствен-
ный жребий
каждому выдан, но нельзя одному чело-
веку 70
взять и достичь полнейшего счастья.

Не могу назвать, кого наградила Мойра
сплошным отличием, но тебя
одевает, Феарион, подобающей
мерой богатства, 75

стяжавшему храбрость в делах прекрас-
ных
она не расстроила ясность рассудка.
Я – твой гость. Отвергну слепой упрек
и, направив песнь, как поток воды,
в сторону друга, воспою несомненную
славу, 80
это – достойная плата доблестным.

Если окажется рядом ахеец, живущий
за Ионийским морем, не станет
винить меня. Вверяюсь гостеприимству,
мой взгляд сияет среди сограждан, 85
знаю должную меру, устранив принуждение.
Пусть грядущее близится благосклонно.
Понимающий не утаит, но скажет, если
нестройно выведу кривую песнь. О Соген
из рода Эвксенидов, клянусь, что, подбе-
жав к черте, 90
я не устремлял язык свой

быстрый, как меднощекое копье, которое
освобождает от схватки крепкую шею,
не облитую потом, прежде чем тело
падет под палящим солнцем.
После тяжких усилий 95
радость грядет большая. Дозволь мне,
я не против отдать победителю долг,

пусть даже слишком вознесишься в выкрике.
Нетрудно вить венки. Начни же песнь!
Муза скрепляет золото, и белую кость сло-
новую, 100
и цветов лилии, взятый из морской пены.

Вспомнив Зевса, всколыхни кротко
гулкую славу песен в Немее.
Должно воспеть ласковым голосом
царя богов на этой равнине, ведь гово-
рят – 105
это он породил Эака (Эгина
приняла семья), чтобы тот стал царем

в его отчизне, чье имя славится,
и твоим, Геракл, радушным гостеприимцем
и братом. Когда один сойдется радост-
но 110
с другим, я сказал бы: тот, кто любит
ближнего непреклонно, тот – исток радости,
достойный всего на свете.
Если это угодно богу,
тогда с твоей, покоритель Гигантов, помо-
щью
Соген хотел бы счастливо жить, сохра-
няя 115
нежность к родителю, в священном
крепкоотстроенном городе предков.

Как под ярмом четверни колесничной,
его жилище между двумя священными
участками по обе руки. О блажен-
ный, 120

тебе пристало уверить мужа Геры и свет-
лооую
деву, ведь ты способен одаривать
людей – храбростью – в неодолимом бес-
силии.

Только бы ты поддержал нерушимость их
жизней

в юности и в гладкой старости, 125
выплел бы счастье им, пусть внуки
имеют власть и почет,

Комментарий

1–2. *Илифия... дочь мощной Геры*. Илифия – покровительница рожениц, дочь Зевса и Геры. Ср. Гесиод, «Теогония» 922–923: «Самой последнею Геру он сделал своею супругой. / Гебой, Ареем его и *Илифией* та подарила» (пер. В. Вересаева). Аристомед предлагает такое толкование: когда Феарион в преклонном возрасте помолился богине о рождении сына, у него родился Соген; таким образом, рождение ребенка стало даром Илифии (Σ Nem. 7 ad loc.). Илифия как богиня рождения наделяет младенца качествами, которые в будущем помогут прославиться в атлетических состязаниях (Σ Nem. 7 ad loc.; [Young: 638; Carey: 137]). Павсаний (8.21.3) упоминает поэта Олена Ликийского, который в гимне в честь Илифии уподобил ее богине Судьбы. В Стрфе 1 Пиндар движется от общего (Илифия позволяет «всем» детям появляться на свет) через индивидуализацию человеческого опыта («пусть не все мы дышим к об-

как теперь, а после – еще больше.
Сердце мое никогда не признает,
что истерзало Неоптолема – упрямой ре-
чью, 130
но взрывать одну борозду трижды, четы-
режды –
бесцельно, как если бы кто-нибудь тявкал
впустую
малым детям «Коринф – сын Зевса».

щей цели, / но каждый стеснен ярмом своего
удела») к конкретному примеру (Соген и его
победа) [Most: 136].

1. *напарница смысленых Судеб*. М. Гаспаров переводит *пáρεδρος* (‘сидящая рядом’) как «сопрестольница» (похожим образом переводят это слово М. Баура (“seated at the side of”) и В. Рэйс (“enthroned beside”). Я следую за Д. Янгом, который предлагает понимать *пáρεδρος* как ‘коллега’ (colleague) [Young: 638]. Похожего мнения придерживается и Г. Мост: по мнению Моста, *пáρεδρος* – технический термин, означающий, в том числе, ‘помощника, товарища’ магистрата. Аристотель в «Афинской политике» 59.1 упоминает «товарищей» / «помощников» [*παρέδρους*] архонта, басилевса и полемарха [Most: 138].

1. *Судьбы*. В оригинале – Мойры, богини судьбы. В «Теогонии» (904–906) Мойры (Клото, Лахесис и Атропос) – дочери Зевса и Фемиды; они пользуются наибольшим почетом у Зевса и наделяют людей благом и не-

счастьем. В Ол. 6.42 Илифия и Мойры также упомянуты вместе.

1. *смышленные Судьбы*. Г. Мост поясняет, что Мойры обладают незамутненным знанием действительности [Most: 138]. В Нем. 7 проводником этого знания становится сам поэт.

4. *благосклонная ночь*. В оригинале употреблен эвфемизм εὐφρόνη ('благосклонная') вместо обычного греческого νύξ ('ночь'). Ср. перевод М. Гаспарова «добрая ночь».

5. *Геба*. Богиня юности и красоты. Упоминание Гебы связано с юным возрастом Согена [Carey: 138].

8. *Ты помогла Согену, сыну Феариона*. Пиндар приводит конкретный пример влияния Илифии на судьбу смертного: Илифия наделила Согена качествами победителя [Carey: 138; Most: 136]. Ср. Нем. 11.12: «врожденное бесстрашие». Пиндар всегда восхваляет врожденную (не приобретенную) доблесть [Lloyd-Jones: 129].

9. *...отличиться и прославиться*. Победа и песня, которая славит победу, зависят от благорасположения Илифии.

11. *город Эакидов*. Т. е. город потомков Эака. Эак, сын Зевса и нимфы Эгины, первый царь острова Эгина. Сын двух бессмертных, в греческой традиции считался героем; в схолиях к Нем. 5 святилище Эака названо герооном [Polinskaya: 126]. Эак был известен своей справедливостью и благочестием.

15. *сладкий для сердца повод*. Эпитет μελίφρων ('успокаивающий сердце') у Гомера описывает сон и вино [Bury: 129].

15. *...повод*. Т. е. повод для хвалебной песни.

16. *...но без песни тьма обступает высокое мужество*. Ср. Нем. 6.37–39: «Когда / умирают люди, слово и песня / от забвенья спасают дела прекрасные»; Гораций, «Оды» 4.9.25–28: «Немало храбрых до Агамемнона / На свете жило, вечный, однако, мрак / Гнетет их всех, без слез, в забвеньи: / Вещего не дал им рок поэта» (пер. Н.С. Гинцбурга).

17. *Прекрасных деяний зеркало знаем одно лишь*. Хвалебная песнь становится зеркалом победы (ср. Σ Нем. 7 ad loc.). Эпиникий создает незамутненный образ победителя и его достижений.

18. *Мнемозина с венцом блестящим*. Эпитет λιπαράμπεξ отсылает к гомеровскому λιπαροκρήδεμνος, «с блистающей повязкой на голове» («Илиада» 18.382; [Carey: 141]).

19. *награда сыщется за надрыв труда*. В эпиникиях тяжкий труд является предвестником успеха. Пиндар часто отождествляет победное усилие атлета с трудом поэта, сочиняющего эпиникий.

21–22. *Мудрые знают ветер, который подует на третий день*. Морская метафора: опытный мореход «предвидит будущее» (Σ Нем. 7 ad loc.; [Carey: 142], ср. Платон, «Государство» 488d: «Они понятия не имеют о подлинном кормчем, который должен

учитывать времена года, небо, звезды, ветры – все, что причастно его искусству» (пер. А. Егунова). Исследователи спорят об атрибуции «мудрых». Одни считают, что речь идет о поэтах, в первую очередь о самом Пиндаре [Segal: 442; Gerber: 184]. Д. Гербер полагает, что, выставляя себя мудрецом, Пиндар противопоставляет себя Гомеру, который злоупотребил своей мудростью, *misused his sophia* ([Gerber: 184], см. ниже). Другие толкователи относят «мудрых» к заказчикам эпиникиев (напр. Σ Nem. 7 ad loc.; [Young: 640–641; Lloyd-Jones: 130; Most: 144]. Если под «мудрыми» мы понимаем заказчиков, тогда мысль Пиндара такова: пока человек жив, он не поспеет на оплату эпиникия, чтобы его дела не были забыты [Most: 146]. Ср. Пиф. 1.140–142: «посмертное величие имени, / только оно выявит жизнь после смерти стараньем славильщиков и певцов». По мнению Л. Фарнелла, ветер (шторм) третьего дня – это ветер забвения [Farnell: 290].

22–23. *корысть не туманит рассудок*. Скорее всего, имеется в виду жадность морских торговцев. Ср. Од. 8.161–164 (упрек, брошенный Одиссею): «Ты – из тех, что плавают на многовесельном / судне, предводитель торгующих мореходов, / заботливый перевозчик, хранитель товаров, / хапливой прибыли, ты не похож на атлета».

24–26. *об Одиссее из-за сладких речей Гомера говорят больше, чем он вправду выстрадал*. Пиндар, только что говоривший о неиз-

бежности смерти, показывает на примере, как посмертная слава может быть искажена, когда поэт не отображает действительность, а преобразует ее [Carey: 144]. Пиндар не считает повествование Гомера об Одиссее даром Муз, это – итог одного лишь умения сочинять [Carey: 144]. Г. Мост относит «страдания» (πάθη) Одиссея к рассказу героя о своих странствиях во дворце Алкиноя (Од. 9–12). По мнению Г. Моста [Most: 149–150], слово, выбранное Пиндаром, обыгрывает гомеровские эпитеты, закрепленные за Одиссеем («многострадальный», «терпеливый» и др.). Во времена Пиндара изображавшие Одиссея вазописцы предпочитали сюжеты из Од. 9–12 [Boardman: 143].

27. *...в обмане поэта, в окрыленной ловкости*. По мысли Пиндара, поэт – существо двуликое, способное говорить правду и лгать. Ср. Гесиод, «Теогония» 27–28: «Много умеем мы лжи рассказать за чистейшую правду. // Если, однако, хотим, то и правду рассказывать можем!» (пер. В. Вересаева).

29–30. *Люди незрячи сердцем в большинстве своем*. Это высказывание подводит к пассажиру об Аяксе, а также намекает на то, что поэт и заказчик эпиникия (Феарион) к этому большинству не относятся.

31. *могучий Аякс*. Участник Троянской войны. Царь Саламина, уступавший в доблести лишь Ахиллу. В споре о доспехах погибшего Ахилла Аякс уступил Одиссею. Аякс решает перебить ахейских вождей, но Афина

спасает греков и насыляет на Аякса безумие; от его меча погибают стада. Аякс не может пережить позора и закалывает себя мечом (см. трагедию Софокла «Аякс»).

36. *к городу Ила*. Ил – мифический основатель Трои.

37. *светловласый Менелай*. Гомеровский эпитет ξανθός.

38–39. *волна Аида – жданная и нежданная*. В оригинале: «на того, кто ожидает ее, и на того, кто нет». Есть и другой возможный перевод: «на славного и бесславного» [Gerber: 182–183; Carey: 148; Race: 75]. Пиндар снова напоминает о неизбежности смерти (см. выше, ст. 23–24).

40–41. *...чью пышную славу бог множит после смерти*. Пиндар подчеркивает божественное начало хвалебной песни. Посмертная слава – такой же дар бога, как и победа на атлетическом состязании [Farnell: 294; Carey: 151].

41. *...после смерти. Я пришел, податель помощи...* – Пунктуация и выбор личного окончания аориста (μόλον) по Ч. Сигалу [Segal: 448] и В. Рэйсу [Race: 74]. См. также: [Polinskaya: 254].

43. *Неоптолем*. Сын Ахилла, рожденный Деидамией, дочерью Ликомеда, царя острова Скирос. После Троянской войны царствовал в Эпире. В киклических поэмах Неоптолем отличается особой кровожадностью: в «Разрушении Илиона» он убивает Приама на алтаре Зевса Геркейского, покро-

вителя домашнего очага, а в «Малой Илиаде» сбрасывает Астианакса, сына Гектора и Андромахи, с городской стены. По версии Ивика (2-я пол. VI в. до н. э.), Неоптолем принес в жертву Поликсену на могиле Ахилла (Ивик 307 PMG). Греческая вазопись в VI–V в. до н. э. представляла Неоптолема жестоким воином [Most: 161–162; Хёльшер: 134]. Например, на гидрии, хранящейся в Национальном археологическом музее в Неаполе (ок. 480 г. до н. э.), Неоптолем собирается убить Приама на алтаре Зевса Геркейского. Голова и плечи царя Трои покрыты кровью, на коленях у Приама лежит мертвый внук Астианакс [Хёльшер: 132]. В Шестом пеане Неоптолем наказан Аполлоном за убийство Приама: бог расправляется с ним во время жертвоприношения в Дельфах [Race: 267].

44. *разоривший город Приама*. Пиндар намеренно не упоминает убийства троянского царя. «Разоритель города Приама, но не убийца Приама!» – восклицает Б. Гилдерслив и сравнивает Неоптолема с генералом Шерманом [Gildersleeve: 136].

46. *отклонился от Скироса*. Т. е. от острова, на котором Неоптолем родился и вырос.

47. *Эфира*. Скорее всего, речь идет о городе в Эпире, в земле феспортов (ср. Од. 1.259 с комментарием С. Уайт ad loc.). О четырех разных поселениях под общим названием Эфира см. Страбон 8.3.5 (также Σ Nem. 7 ad loc.).

48. *Молоссия*. Местность в Эпире. Названа в честь Молосса, сына Неоптолема от плененной Андромахи (Σ Nem. 7 ad loc.).

50. *Он отправился к богу*. Историк Ферекид (фр. 64а, FGrH 1.78, также Σ Nem. 7 ad loc.) сообщает, что Неоптолем отправился в Дельфы, чтобы спросить оракул о бесплодии своей жены Гермiony, дочери Менелая и Елены [Carey: 152; Most: 163].

Схолии предлагают два других толкования отъезда Неоптолема в Дельфы: он намерен (1) разграбить святилище, (2) добиться справедливости от Аполлона, который (вместе с Парисом) убил Ахилла (Σ Nem. 7 ad loc.).

53. *был заколот ножом*. Павсаний (10.24.4) сообщает, что в святилище Аполлона в Дельфах располагался жертвенник, на котором жрец Аполлона убил Неоптолема. Неоптолем был похоронен в ограде храма. Во времена Павсания дельфийцы приносили ему ежегодные жертвы (Павсаний 10.24.5). Недалеко от могилы находилось здание с картинами Полигнота. Из всех греческих воинов один Неоптолем изображен продолжающим убивать троянцев после захвата Трои. Картина с Неоптолемом, считает Павсаний, была предназначена служить украшением над его могилой (10.26.4). Ср. 56–58: «...один из владетельных / Эакидов навсегда остался в древнейшем святилище / возле крепостенного храма богу».

58. *крепостенный храм*. Εὐτείχεος ('крепостенный, с прекрасными стенами') в «Илиаде» – стандартный эпитет Трои.

59. *наблюдать справедливо*. Перевод θεμισκόπος ("watching over by divine ordinance" по лексикону В. Слэйтера [Slater: 232]). И. Полинская предлагает понимать θεμισκόπος как 'блюститель справедливости' ("overseer of justice"): защита справедливости является основной характеристикой эгинетской идентичности [Polinskaya: 255].

59–60. *обильные жертвами шествия в честь героев*. Неясно, о каком шествии идет речь [Carey: 153]. По мнению схолиаста, имеется в виду празднество, на котором Аполлон созывает героев в Дельфы (Σ Nem. 7 ad loc.).

62–64. *правдивый свидетель хранит, Эгина, деянья потомков твоих и Зевса; есть во мне смелость сказать...* Пунктуация по изданию М. Баура. В другом чтении, принятом многими исследователями, эти строки переводятся так: «правдивый свидетель охраняет деяния [Неоптолема]. Есть во мне смелость сказать – ради сияющей доблести, Эгина, потомков твоих и Зевса...» [Carey: 154].

62. *правдивый свидетель*. К. Кэри и Г. Мост полагают, что эти слова относятся к Аполлону [Carey: 155; Most: 178]. Х. Ллойд-Джонс относит их к самому Пиндару [Lloyd-Jones: 133].

65. *дорога... словесная*. В оригинале – «дорога слов» (ὁδός λόγων). Ср. Ол. 1.110: «проложив колею благодетельной хвалы» (пер. М. Гаспарова).

65. *от твоего дома*. Т. е. от острова Эгина [Most: 179].

69–70. *Все мы разнимся свойствами, собственный жребий каждому выдан.* Отсылка к началу оды, ст. 6–7. Пиндар еще раз напоминает об индивидуальных характеристиках каждого человека.

78. *Отвергну слепой упрек.* Схолиаст полагает, что имеются в виду упреки эгинетов в связи с написанием Пиндаром Шестого пена (Σ Nem. 7 ad loc.).

79. *поток воды.* Вода у Пиндара часто ассоциируется с хвалебной песнью, в данном случае ее прозрачность противопоставляется «слепому упреку» [Steiner 1986: 47].

82–84. *Если окажется рядом ахеец, живущий за Ионийским морем, не станет винить меня.* Скорее всего, речь идет о потомках Нептолема в Молоссии [Carey: 162; Most: 188; Race 77].

84. *Вверяюсь гостеприимству.* Пиндар рассчитывает на гостеприимство Феариона.

90. *...подбежав к черте.* Читаю τέρρα προβάς с Г. Ли, К. Кэри, Г. Мостом, В. Рэйсом [Lee: 74; Carey: 168; Most: 193; Race: 79]. Имеется в виду черта, к которой подбегает атлет, прежде чем метнуть копье.

92. *Меднощекое.* Гомеровский эпитет χαλκοπάρκος, у Гомера относится к шлему. Ср. Пиф. 1.44.

92–93. *...копье, которое освобождает от схватки крепкую шею.* Победа в метании копья, вместе с другими двумя победами на первых четырех этапах пятиборья (прыжки, метание копья, метание диска, бег; об оче-

редности до сих пор идут споры), позволяет пятиборцу стать победителем, пропустив последний этап соревнований – борьбу [Bury: 139; Harris: 64; Sweet: 287, 289]. Пиндар, таким образом, объявляет Согену, что еще не закончил свою песнь [Lee: 70; Carey: 168].

96. *радость грядет большая.* Т. е. радость победы. В эпиникиях тяжелые физические усилия, затраченные на достижение победы, и чествуемый успех часто взаимосвязаны [Carey: 170].

101. *цветок лилии, взятый из морской пены.* Коралл, «на морском дне мягок и похож на растение» (Σ Nem. 7 ad loc.). Греческое ῥοσά ('роса, влага') переводится по лексикону Слэйттера ("froth, foam") [Slater: 148]. Ср. перевод М. Гаспарова: «...и лилейный цветок, исторгнутый из пены морской».

100–101. *Муза скрепляет золото, и белую кость слоновую, и цветок лилии, взятый из морской пены.* По мнению Р. Гриффита и Г. Д'Амбросио-Гриффит, венок из трех составляющих, золота, слоновой кости и коралла, соотносится с тремя основными компонентами эпиникия – прославлением победителя, мифологической вставкой и молитвой богам [Griffith & D'Ambrosio-Griffith: 261]. В то же время венок Пиндара объединяет подземный мир (золото), земной (слоновая кость) и морской (коралл) [Griffith & D'Ambrosio-Griffith: 263]. Другие исследователи [Most: 199] ассоциируют венок с тематической и образной многоликостью («пойкилией») эпиникия.

105. *на этой равнине*. Речь идет об Эгине [Carey: 172].

106. *он породил Эака*. Т. е. Зевс – отец Эака.

108. *в его отчизне, чье имя славится*. Принимаю поправку Г. Германна *ἐῖ* [Farnell: 301]. Другие исследователи полагают, что Пиндар говорит здесь от лица хора, и сохраняют *ἐμῇ* по рукописному чтению [Carey: 173; Race: 81], ср. (Σ Nem. 7 ad loc.).

109–110. *...и твоим, Геракл, радушным гостеприимцем и братом*. Оба героя, Эак и Геракл, родились от Зевса.

114. *покоритель Гигантов*. Геракл. Ср. Нем. 1.94–97.

118–120. *Как под ярмом четверни колесничной, его жилище – между двумя священными участками*. В толковании схолиаста, дом Согена находится между двумя священными участками Геракла, как дышло в колесничной четверне (Σ Nem. 7 ad loc.; [Farnell: 301; Carey: 175]).

121. *Муж Геры*. Зевс.

121–122. *Светлоокая дева*. Афина (еще один гомеровский эпитет γλαυκῶπις).

124. *нерушимость их жизнью*. Т. е. жизнью Согена и Феариона.

125. *гладкая старость*. Гомеровское выражение γῆρας ληπαρός. Ср. Од. 11.136. У Гомера эти слова относятся к пророчеству Тиресия.

130. *...истерзало*. По мнению схолиаста, ἐλκύσαι – «метафора собак, растерзывающих (и / или тянущих за собой) [мертвые] тела» (Σ Nem. 7 ad loc.), ср. [Lloyd-Jones: 136; Carey: 178].

130. *...истерзало Неоптолема*. Некоторые исследователи [Tugendhat: 404; Lloyd-Jones: 133, 136–137; Carey: 135] видят в концовке оды попытку Пиндара загладить обиду, нанесенную Неоптолему и всем эгинетам в Шестом пеане, где Аполлон клянется, что отомстит Неоптолему за убийство Приама у алтаря Зевса, и убивает его во время ссоры со служителями святилища (Пеан 6, 112–120) (ср. Σ Nem. 7 ad loc.: Аристодем полагает, что Пиндар вызвал порицание эгинетов тем, что в одном из его пеанов Неоптолем явился в Дельфы, чтобы разграбить святилище Аполлона, и теперь в Нем. 7 искупает свою вину). Э. Банди [Bundy: 4], В. Слэйтер [Slater: 94], Д. Стайнер [Steiner 2001: 154–155] и др. не усматривают здесь явных намеков на Шестой пеан. Э. Банди считает приведенное выше объяснение схолиаста (и остальные попытки древних комментаторов связать пеан с эпиникием) не более чем домysлом. Г. Мост, не примыкая ни к тому, ни к другому лагерю, полагает, что читатель Нем. 7 не может не вспомнить о Шестом пеане, если уже прочитал его [Most: 207].

133–134. *тявкал впустую малым детям «Коринф – сын Зевса»*. Русский эквивалент «сказки про белого бычка», постоянное повторение одного и того же. Д. Стайнер рассматривает собачью метафору как уничижительную, восходящую к Гомеру (ср. Од. 424–425 (о Клитемнестре): «она отвернулась, собачьялица» [Steiner 2001: 158]).

Литература

Хёльшер, Ф. Аякс и Неоптолем в изобразительном искусстве: как греки осмыслили жестокость своих героев / пер. О.Л. Ахуновой (Левинской) // Шаги/Steps. 2020. Т. 6. № 2. С. 130–143.

Boardman, J. (1971). Odette Touchefeu-Meynier: Themes odysseens dans l'art antique. *The Classical Review*, 21, 143.

Bundy, E. (1962). *Studia Pindarica* (Vols. 1–2). Berkeley: University of California Press.

Bury, J.B. (1890). *The Nemean odes of Pindar. Introduction and commentary*. London: Macmillan and Co.

Carey, C. (1981). *A commentary on five odes of Pindar: Pythian 2, Pythian 9, Nemean 1, Nemean 7, Isthmian 8*. Salem: The Ayer Company.

Farnell, L.R. (1932). *The works of Pindar, translated, with literary and critical commentaries*. London: MacMillan and Co.

Gerber, D. (1963). Pindar Nemean 7.31. *American Journal of Philology*, 84, 182–188.

Gildersleeve, B.L. (1910). The Seventh Nemean revisited. *American Journal of Philology*, 31, 124–153.

Griffith, R., & D'Ambrosio-Griffith, G. (1988). La Couronne Chryséléphantine de la Muse (Pindare, Ném 7.77–79). *L'Antiquité Classique*, 57, 258–266.

Harris, H.D. (1972). The method of deciding victory in the pentathlon. *Greece and Rome*, 19(1), 60–64.

Lee, H.M. (1976). The τέρμα and the javelin in Pindar, Nemean VII.70–73, and Greek Athletics. *The Journal of Hellenic Studies*, 96, 70–79.

Lloyd-Jones, H. (1973). Modern interpretation of Pindar: the second Pythian and seventh Nemean odes. *The Journal of Hellenic Studies*, 93, 109–137.

Most, G. (1985). *The measures of praise: structure and function in Pindar's second Pythian and seventh Nemean Odes. Hypomnemata*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

Nagy, G. (1990). *Pindar's Homer. The lyric possession of an epic past*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press.

Polinskaya, I. (2013). *A local history of Greek polytheism: gods, people and the land of Aegina, 800–400 BCE*. Leiden / Boston: Brill.

Race, W.H. (1990). *Style and rhetoric in Pindar's odes*. Atlanta: Scholars Press.

Scholia in Pindarum. Nemean Odes. (n.d.). [Электронный ресурс]. URL: <https://scaife.perseus.org/reader/urn:cts:greekLit:tlg5034.tlg001c.perseus-grc1:1.1-1.42?highlight&q=&qk=form> (дата обращения: 01.06.2020).

Segal, C. (1967). Pindar's seventh Nemean. *TAPA*, 98, 431–480.

Slater, W.J. (1963). Futures in Pindar. *Classical Quarterly*, 19, 86–94.

Slater, W.H. (Ed.). (1969). *Lexicon to Pindar*. Berlin: Walter de Gruyter & Co.

Steiner, D. (2001). Slander's bite: Nemean 7.102–5 and the language of invective. *The Journal of Hellenic Studies*, 121, 154–158.

Steiner, D. (1986). *The crown of song. Metaphor in Pindar*. Oxford: Oxford University Press.

Sweet, W.E. (1983). A new proposal for scoring the Greek pentathlon. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, 50, 287–290.

Tugendhat, E. (1960). Zum Rechtfertigungsproblem in Pindars 7 nemeischen Gedicht. *Hermes*, 88, 385–409.

Young, D.C. (1970). Pindar Nemean 7: some preliminary remarks (Vols. 1–20). *TAPA*, 101, 633–643.

References

Boardman, J. (1971). Odette Touchefeu-Meynier: Themes odysseens dans l'art antique [Odette Touchefeu-Meynier: Odyssey themes in ancient art]. *The Classical Review*, 21, 143.

Bundy, E. (1962). *Studia Pindarica* (Vols. 1–2). Berkeley: University of California Press.

Bury, J.B. (1890). *The Nemean odes of Pindar. Introduction and commentary*. London: Macmillan and Co.

Carey, C. (1981). *A commentary on five odes of Pindar: Pythian 2, Pythian 9, Nemean 1, Nemean 7, Isthmian 8*. Salem: The Ayer Company.

Farnell, L.R. (1932). *The works of Pindar, translated, with literary and critical commentaries*. London: MacMillan and Co.

Gerber, D. (1963). Pindar Nemean 7.31. *American Journal of Philology*, 84, 182–188.

Gildersleeve, B.L. (1910). The Seventh Nemean revisited. *American Journal of Philology*, 31, 124–153.

Griffith, R., & D'Ambrosio-Griffith, G. (1988). La Couronne Chryséléphantine de la Muse (Pindare, Ném 7.77–79) [The chryselephantine crown of the muse (Pindare, Ném 7.77–79) t]. *L'Antiquité Classique*, 57, 258–266.

Harris, H.D. (1972). The method of deciding victory in the pentathlon. *Greece and Rome*, 19(1), 60–64.

Hölscher, F. (2020). Ayaks i Neoptolem v izobrazitel'nom iskusstve: kak greki osmyslyali zhestokost' svoikh geroyev [Ajax and Neoptolemus in the visual arts: how the Greeks interpreted the cruelty of their heroes]. *Steps*, 6(2), 130–143.

Lee, H.M. (1976). The τέρμα and the javelin in Pindar, Nemean VII.70–73, and Greek Athletics. *The Journal of Hellenic Studies*, 96, 70–79.

Lloyd-Jones, H. (1973). Modern interpretation of Pindar: the second Pythian and seventh Nemean odes. *The Journal of Hellenic Studies*, 93, 109–137.

Most, G. (1985). *The measures of praise: structure and function in Pindar's second Pythian and seventh Nemean Odes. Hypomnemata*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

Nagy, G. (1990). *Pindar's Homer. The lyric possession of an epic past*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press.

Polinskaya, I. (2013). *A local history of Greek polytheism: gods, people and the land of Aegina, 800-400 BCE*. Leiden/Boston: Brill.

Race, W.H. (1990). *Style and rhetoric in Pindar's odes*. Atlanta: Scholars Press.

Scholia in Pindarum. Nemean Odes. (n.d.). Retrieved from: <https://scaife.perseus.org/reader/urn:cts:greekLit:tlg5034.tlg001c.perseus-grc1:1.1-1.42?highlight&q=&qk=form> (дата обращения: 01.06.2020).

Segal, C. (1967). Pindar's seventh Nemean. *TAPA*, 98, 431–480.

Slater, W.J. (1963). Futures in Pindar. *Classical Quaterly*, 19, 86–94.

Slater, W.H. (Ed.). (1969). *Lexicon to Pindar*. Berlin: Walter de Gruyter & Co.

Steiner, D. (2001). Slander's bite: Nemean 7.102–5 and the language of invective. *The Journal of Hellenic Studies*, 121, 154–158.

Steiner, D. (1986). *The crown of song. Metaphor in Pindar*. Oxford: Oxford University Press.

Sweet, W.E. (1983). A new proposal for scoring the Greek pentathlon. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, 50, 287–290.

Tugendhat, E. (1960). Zum Rechtfertigungsproblem in Pindars 7 nemeischen Gedicht [On the justification problem in Pindar's 7 Nemean poem]. *Hermes*, 88, 385–409.

Young, D.C. (1970). Pindar Nemean 7: some preliminary remarks (Vols. 1–20). *TAPA*, 101, 633–643.

PINDAR'S SEVEN NEMEAN ODE: FOREWORD, TRANSLATION, AND COMMENT

Grigory G. Starikovsky, Latin teacher, Ramsey High School (Ramsey NJ, USA); e-mail: gstarikovsky@gmail.com.

Abstract. In the victory odes written for the Aeginetan athletes, Pindar constantly draws upon mythological characters associated with Aegina. These are: Aeacus, first king of Aegina, and the Aeacidae, his descendants (Peleus, Telamon, Ajax, Achilles, and Neoptolemos). Nemean 7, dedicated to Sogenes, winner in boys' pentathlon, is no exception: the mythological segment incorporated into the epinikion deals with Neoptolemos. At the time of Pindar, Neoptolemos was commonly known for his bloodthirsty escapades during the final stage of the Trojan war: according to the Cyclic poets, he murders Priam at the altar of Zeus and throws Astyanax, the son of Hector and Andromache, from the city wall; it is the murder of Priam that incurs the wrath of Apollo in Pindar's own Paean 6, which predates Nemean 7. In the preamble to the translation of Nem. 7, I demonstrate how Pindar's account alters the more conventional perception of Neoptolemos: for instance, the poet doesn't mention Neoptolemos's atrocities; rather, after his premature death at the hands of the priest of Apollo, Neoptolemos becomes a "rightful overseer of processions honoring heroes" in Delphi (tr. W. Race), virtually Apollo's helper. I argue that Pindar's presentation of Neoptolemos may inspire Sogenes and his father Thearion, who commissioned the epinikion, to entrust the poet with the project of celebrating Sogenes's athletic triumph, as Pindar promises the victorious athlete everlasting glory, akin to the one possessed by Neoptolemos.

Key words: Pindar, epinikion, victory odes, Nemean odes, Neoptolemos, Odysseus, Homer, Ajax, Aeacides, Aegina.

